

лен Г. К. Жуков, имя которого после победы под Москвой и у нас, и у немцев ассоциировалось с наступлением. Прибытие такой значимой фигуры заставило немцев перебросить под Ржевом дополнительные резервы, которые были нужны в Сталинграде, где и был нанесен главный удар. Дезинформация, переданная по линии операции «Монастырь», вводила в заблуждение немецкое командование во время Курской битвы и при проведении других операций советских войск. При этом использовались шифры Абвера.

Немцы так и не узнали правду. Они высоко оценили деятельность Демьянова–Макса и наградили его Крестом с мечами за военные заслуги. На родине А. П. Демьянов был награжден орденом Красной Звезды, а его жена и тесть — медалями «За боевые заслуги». При этом информация о деятельности «Макса» не раз приходила из-за рубежа. О высокоэффективном агенте Абвера, работающем в СССР, советской разведке сообщили Г. Шмидт и один из членов «кембриджской пятерки» У. Блант. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль поделился аналогичной информацией со Сталиным, причем источником информации Бланта и Черчилля, скорее всего, были дешифрованные англичанами немецкие радиосообщения. Напомним, что

Абвер активно использовал «Энигму». Подтверждали эффективность работы «Гейне» и наши дешифровальщики. Так, в 1942 году органам НКВД удалось перехватить и дешифровать переговоры подразделений Абвера в Смоленске и Ржеве. Из них стало ясно, что передаваемая А. П. Демьяновым информация о железнодорожных перевозках вызывает у немцев доверие, и относятся они к ней с большим интересом. Содержание этих переговоров с соответствующими пояснениями об организации радиоигры с немцами было доложено П. А. Судоплатовым лично Л. П. Берии¹³⁸.

Несмотря на весьма важную с их точки зрения информацию, получаемую от «Престола», останавливаться на достигнутом немцы не собирались. Они начали заброску своих агентов, которые помимо помощи «Максу», должны были создать собственную разведсеть. Однако в Абвере решили использовать помощь «Престола» в приёме и легализации новой агентуры. В августе и октябре 1942 года к Демьянову прибыли две группы агентов, которые доставили новую радиостанцию, блокноты для шифрования, деньги и т. д. Часть из этих людей удалось перевербовать, и Абвер начал получать дезинформацию по «собственной сети».

«Курьеры»

В дальнейшем мероприятия по аресту и работе с прибывшей немецкой агентурой у советских контрразведчиков получили название — операция «Курьеры». За время проведения этой операции в 1942–1945 годов удалось задержать 23 немецких агента и их пособника. Некоторые из них перешли на нашу сторону и активно включились в радиоигры. С остальными же «организовывались» несчастные случаи при приземлении, «случайные провалы» и т. д. Интересно отметить, что вместе с радиостанциями, шифрблокнотами, вооружением, боеприпасами и прочим снаряжением было изъято около 1,3 (по другим данным более 2) млн рублей. Часть этих средств была истрачена на проведение операций. Таким образом, Абвер профинансировал работу против себя наших чекистов¹³⁹.

Приведём ряд документов, касающихся операций «Монастырь» и «Курьеры», так в апреле 1943 года шифртелеграммой в УНКВД по Челя-

бинской области была передана информация о прибытии в регион немецкого агента.

«УКАЗАНИЕ НКВД СССР № 1616 НАЧАЛЬНИКУ УНКВД ПО ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО РАДИОИГРЕ „МОНАСТЫРЬ—КУРЬЕРЫ“

17 апреля 1943 г.

По агентурному делу „Курьеры“ в ближайшее время к Вам будет направлен задержанный нами германский разведчик, прибывший на подставленную немцам в Москве явку. По ходу игры этот разведчик перемещается в г. Челябинск, куда к нему немцами позднее будет направлен другой разведчик-радист, при помощи которого будет осуществляться связь с германским разведцентром.

По нашей легенде, германский разведчик при помощи своих связей должен устроиться на одно из оборонных предприятий в г. Челябинске. Необходимо срочно подобрать наиболее

подходящее, с Вашей точки зрения, предприятие, на котором будет „работать“ разведчик, жильё на окраине города, удобное как для организации „конспиративных“ встреч, так и для наблюдения. Кроме того, уже сейчас займитесь подготовкой необходимых агентурных кадров, которые по мере надобности можно будет включать в настоящее дело для легендирования наличия в г. Челябинске антисоветской группы.

В связи с особой секретностью данной разработки ведение её поручите квалифицированному работнику, обеспечив строгую конспирацию. Все мероприятия проводить только с Вашей санкции. О результатах Ваших мероприятий телеграфируйте в Четвертое управление.

Зам. народного комиссара
внутренних дел СССР
комиссар госбезопасности II ранга Кобулов
ЦА ФСБ России»¹⁴⁰.

Вот ещё ряд документов по данным операциям.

«ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ НКГБ СССР № 156/М В ГКО О ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНОЙ ИГРЫ „МОНАСТЫРЬ—КУРЬЕРЫ“

10 мая 1943 г.

В январе 1942 г. НКВД СССР поставил перед собой задачу установить связь с германскими разведывательными органами в целях дезинформации противника, создания возможностей для переброски нашей агентуры в Берлин и внедрения наших агентов в разведывательные органы противника.

Для обеспечения успеха этого оперативного замысла нами было решено использовать имеющиеся в НКВД СССР материалы о намерении поэта „С.“ (так в документе, исходя из вышеизложенного очевидно, что это Садовской. — *Авт.*) сколотить в Москве контрреволюционную монархическую организацию и связаться с немцами в целях оказания им помощи в борьбе с Советской властью...

„С.“, 1881 года рождения, из дворян-помещиков, инвалид, поэт, по образованию археолог, предводитель дворянства, в 1913 г. был представлен Николаю II. Жена „С.“ — дворянка, одна из бывших фрейлин императрицы.

По материалам НКВД СССР, „С.“ в своём окружении, состоящем главным образом из бывших людей и церковников, вел антисоветские разговоры. Однако „С.“ не арестовывался вследствие своей полной инвалидности...

После начала войны между СССР и Германией „С.“ активизировал свою антисоветскую работу и совместно с отдельными монархически настроенными лицами из бывших людей, близкими его знакомыми, стал изыскивать возможности для связи с немцами.

Наблюдение за „С.“ и его окружением нами осуществляется через агента НКВД СССР „Старого“, пользующегося доверием „С.“ „Старый“, бывший дворянин, сын помещика, расстрелянного в 1919 г. Харьковской губчека, профессор, доктор искусствоведческих наук, беспартийный, с органами ОГПУ–НКВД сотрудничает с 1928 г., характеризуется положительно.

Получив от „С.“ предложение об установлении связи с немцами, „Старый“ по нашему указанию дал на это согласие, после чего „С.“ поручил ему подобрать группу лиц для использования их в целях установления связи с немцами и проведения антисоветской работы в Москве.

Воспользовавшись этим предложением „С.“ в качестве якобы одного из активных участников группы „Старого“ мы ввели в дело агента „Гейне“. „Гейне“, беспартийный, из дворян, инженер-электрик (отец — бывший есаул казачьих войск, мать — бывшая княгиня), с органами ОГПУ–НКВД сотрудничает с 1932 г., характеризуется положительно.

После нескольких встреч с „С.“ „Гейне“ получил от него задание нелегально перебраться через линию фронта к немцам, проинформировать их о существовании организации и получить указания по дальнейшей работе.

17 февраля 1942 г. нами была организована переброска „Гейне“ через линию Западного фронта в направлении г. Гжатска.

15 марта 1942 г. „Гейне“ был переброшен немцами обратно на самолёте и спущен на парашюте в районе г. Рыбинска Ярославской области.

„Гейне“ доложил, что, перейдя линию фронта, он был задержан немцами, подвергнут допросу и после его заявления о желании встретиться с представителем командования германской армии доставлен в г. Смоленск, где за время своего почти месячного пребывания подвергался тщательным допросам и проверке.

„Гейне“ рассказал немцам о существовании в Москве монархической организации, связанной с церковными кругами и враждебно настроенными к Советской власти интеллигентами, проводящими антисоветскую работу и желающими в целях оказания содействия немцам в свержении Советской власти прово-

дять работу по указанию германского командования.

В результате немцы обучили „Гейне“ работе на радиопередатчике, шифрделу и перебросили на нашу территорию.

Фамилий лиц, работавших с „Гейне“ в г. Смоленске, он не смог узнать, однако, как было нами установлено позже **по материалам радиоперехвата** (выделено авт.) этими лицами являлись: полковник Герлиц и полковник Хуффман. Герлиц — полковник германской армии, начальник разведывательного отдела штаба среднеармейской группировки германской армии в г. Смоленске. Хуффман — полковник германской армии, начальник контрразведывательной службы разведывательного отдела штаба среднеармейской группировки германской армии в г. Смоленске.

Герлиц и Хуффман дали „Гейне“ следующие задания: приступить к созданию подпольных антисоветских ячеек в промышленных районах и областных центрах СССР; организовывать и проводить саботаж и диверсионную работу; наладить сбор сведений о передвижениях войск и техники Красной Армии; вести антисоветскую пропаганду, восхваляя гитлеровскую Германию и „новый порядок“ в Европе; агитировать за окончание войны с Германией.

В целях закрепления положения „Гейне“ в германской разведке и дальнейшего развития разработанной нами легенды НКВД СССР от имени „Гейне“ передавал по радиции, якобы сконструированной самим „Гейне“, материалы дезинформационного характера, получаемые в Генеральном штабе Красной Армии.

Необходимо отметить, что перед отправкой „Гейне“ в Союз немцы обещали ему при первой необходимости помочь техникой, деньгами и материалами для пропаганды.

Первые четыре месяца мы сознательно воздерживались от каких бы то ни было просьб к немцам и даже отклонили их предложение о направлении в Москву курьера, мотивируя это опасностью провала.

В августе 1942 г. мы сообщили немцам, что имеющийся в организации передатчик приходит в негодность и требует замены. В результате 24 августа на названную нами квартиру в Москве явились два курьера от немцев, которые доставили „Гейне“ 10 000 рублей и продукты, а посланную с ними немцами рацию курьеры оставили на месте приземления, боясь провала.

Курьерами оказались: Станкевич, из кулацкой семьи, шофёр, попал в плен к немцам

13 октября 1941 г. в районе г. Вязьмы, в апреле 1942 г. вступил в антисоветскую организацию „Белорусская громада“ и вскоре после этого был завербован для работы в германской разведке; Шакулов, бывший лётчик, попал в плен 5 июня 1942 г. в районе ст. Угры, добровольно поступил на работу в германскую разведку 3 июля 1942 года.

Станкевич и Шакулов были сброшены немцами на парашютах с самолёта в районе ст. Холщевики Московской области. Станкевич и Шакулов нами были негласно арестованы. Оставленная ими на месте приземления рация нами была обнаружена и доставлена в Москву.

В целях дальнейшего заполучения агентов германской разведки нами было немцам сообщено по радиции „Гейне“, что Станкевич и Шакулов прибыли благополучно, но рацию не доставили, так как она при приземлении повреждена.

7 октября 1942 г. в Москву явились ещё два курьера германской разведки: „З.“, бывший инструктор физкультуры, а после оккупации г. Борисова член контрреволюционной организации „Белорусская громада“, агент германской разведки; Шалаев, бывший слесарь завода НКАП в Москве, отказался от эвакуации из Москвы, подлежал призыву в Красную Армию, но скрывался по подложным документам в течение 4 месяцев. В январе 1942 г. был призван в Красную Армию и в марте того же года сдался в плен немцам в районе г. Ржева. Завербован в германскую разведку 16 апреля 1942 г.

„З.“ и Шалаев также были сброшены на парашютах в районе ст. Лихославль Калининской области и прибыли от немцев с заданием передать „Гейне“ радиопередатчик, 20 000 рублей и „свежие“ фиктивные документы для ранее прибывших курьеров Станкевича и Шакулова. Наряду с этим „З.“ и Шалаев имели указание германской разведки обосноваться в Москве, собирать шпионские сведения и передавать их немцам по приданной им для этой цели второй радиции.

„З.“ и Шалаев нами также были негласно арестованы, а немцам сообщили, что они благополучно прибыли и приступили к выполнению задания.

В процессе следствия Шалаев признался, что ещё до призыва в Красную Армию в Москве на заводе НКАП он был связан с группой лиц, совместно с которыми вел антисоветскую работу. После своего прибытия в Москву Шалаеву удалось связаться с этими лицами и получить их согласие на сбор шпионских сведений для немцев.

Привлечённые Шалаевым к шпионской работе четыре человека нами арестованы и признались.

В дальнейшем дезинформация немцев нами проводилась по двум линиям. С одной стороны — по радиостанции „Гейне“ от имени монархической организации „С.“ и с другой стороны — от имени „З.“ и Шалаева, якобы опиравшихся на свои собственные связи в Москве. „З.“ после соответствующей обработки был привлечён к сотрудничеству с нами для дезинформации немцев без освобождения из-под стражи

Учитывая, что прибывшие ранее агенты Станкевич и Шакулов имели указание спустя два-три месяца вернуться обратно к немцам, мы решили одного из них скомпрометировать в глазах немцев. В этих целях 18 октября 1942 г. „Гейне“ сообщил немцам, что Шакулов „ничего не хочет делать, трусит, много пьёт“, и запросил указаний. 20 октября 1942 г. немцы передали следующую радиogramму: „Шакулов становится для вас опасным. Всеми средствами его без сентиментальности уничтожить. Передайте, как с этим вопросом справились“. 27 октября 1942 г. мы сообщили немцам, что Шакулов „уничтожен“...

12 ноября 1942 г. немцы предложили „Гейне“ сообщить им о месте работы членов организации. После ответа „Гейне“, что члены организации имеются не только в Москве, но и в некоторых других городах СССР, 27 ноября немцы потребовали сообщить им адреса и пароли для направления курьера в города Ярославль, Муром или Рязань. Дабы не вызвать подозрений, а также с целью лишить немецкую разведку возможности засылать свою агентуру в интересующие её районы мы сообщили немцам, что в названных ими городах организация людьми не располагает, но имеет возможность приёма курьера в г. Горьком.

30 ноября 1942 г. немцы ответили, что г. Горький их удовлетворяет, и затребовали пароль и адрес явочной квартиры. В качестве явочного пункта в г. Горьком нами была подготовлена квартира агента НКВД „Козловой“, оборудованная оперативной техникой и сигнализацией. „Козлова“, беспартийная, преподавательница пения, духовного происхождения, с органами НКВД сотрудничает с 1937 г., характеризуется положительно. (По намеченному плану роль „Козловой“ сводится только к приёму курьера. Разговор же с последним по существу поручения немцев будет вести оперативный работник, который представится курьеру в качестве члена организации). Адрес явочной квартиры в г. Горьком и пароль 7 декабря 1942 г. были сообщены немцам. 9 декабря немцы

ответили, что курьер для г. Горького готовится и в ближайшее время будет выслан.

18 декабря 1942 г. немцы передали „Гейне“ радиogramму о награждении его и Станкевича „орденом с мечами за храбрость“. В ответ на это сообщение „Гейне“ и Станкевич ответили благодарностью и обещанием „ещё больше и лучше работать для победы над общим врагом“.

„Гейне“ сообщил немцам, что организации „С.“ якобы удалось привлечь видного работника НКПС, который располагает возможностями снабжать организацию сведениями о передвижениях частей и техники Красной Армии. При этом было оговорено, что для налаживания работы по НКПС необходимо иметь 500 000 рублей. Немцы ответили согласием выслать требуемую сумму.

12 января текущего года „З.“ и Шалаев получили от немцев следующую радиogramму: „За вашу храбрость вы награждены установленным фюрером „орденом за храбрость в бронзе II класса с мечами“. Приветствуем вас с наградой. Ожидаем с радостью день, когда лично сможем вручить вам эти декорации“.

19 января текущего года на квартиру к „Гейне“ явился очередной курьер германской разведки, доставивший 266 000 рублей и „свежие“ фиктивные документы для упомянутого выше агента Станкевича. В беседе с „Гейне“ курьер сообщил, что он прибыл в Москву с другим агентом, вместе с которым был сброшен с самолёта на парашюте 18 января текущего года в районе г. Венёва Тульской области.

С целью установления местопребывания второго разведчика прибывший к „Гейне“ агент был нами взят под наружное наблюдение. В результате оба немецких разведчика были нами негласно арестованы... При аресте было изъято 100 000 рублей, предназначенные для упомянутых выше агентов германской разведки „З.“ и Шалаева.

В процессе дальнейшей работы „З.“ сообщил немцам, что ему удалось достать в Москве явочную квартиру. В подготовленную нами квартиру был вселен негласный оперативный работник НКВД. 1 марта текущего года на эту квартиру явился агент германской разведки, доставивший для „З.“ 200 000 рублей, запасные батареи для радиостанции и продовольствие. Для проверки искренности сотрудничества с нами „З.“, а также для выяснения действительной цели командирования германской разведкой этого агента нами была организована встреча „З.“ с прибывшим агентом на указанной квартире под контролем оперативной техники.

Прибывшим агентом оказался Сорокин, уроженец Москвы, с незаконченным высшим образованием, 27 сентября 1942 г. попал в плен к немцам в районе г. Вязьмы и 5 февраля 1943 г. завербован для шпионской работы против СССР. Окончил Катыньскую школу германской разведки, сброшен на парашюте в Зарайском районе Московской области 27 февраля 1943 г. Сорокин имел задание немцев помочь „3.“ в сборе шпионских сведений, установить местонахождение лагерей для военнопленных немцев и через два месяца вернуться в г. Смоленск.

В целях выяснения намерений германской разведки в отношении военнопленных немцев и оттяжки возвращения Сорокина в г. Смоленск нами было сообщено немцам, что Сорокин якобы имеет возможность устроиться в качестве сотрудника охраны тамбовского лагеря для военнопленных немцев.

23 апреля текущего года немцы радировали „3.“, что они одобряют намерение Сорокина устроиться в тамбовском лагере для военнопленных, и обещали прислать девушку-радистку для непосредственной связи Сорокина с ними. Эти данные подтверждаются **перехваченной нами радиоперепиской** (выделено авт.) между германскими разведывательными органами, характеризующими „3.“ как преданного и проверенного агента немцев.

Для того чтобы лишить немцев возможности вызвать Шалаева в г. Смоленск, а также ещё больше втянуть их в игру, 22 февраля текущего года по радиции „3.“ мы передали немцам, что Шалаев имеет возможность выехать в г. Челябинск и обосноваться там. 16 апреля текущего года немцы радировали „3.“ следующее: „В ближайшие дни курьер принесет всё, что вам нужно, а также документы для Шалаева. С получением их пусть он скорее едет в г. Челябинск. Перед отъездом он должен приготовить всё для радиста, который позже приедет прямо к Шалаеву. Мы пошлём вам одного надежного курьера“.

28 апреля текущего года на указанную выше квартиру явился очередной курьер — агент германской разведки и потребовал свидания с „3.“. Встреча „3.“ с прибывшим курьером нами была организована 29 апреля под контролем оперативной техники. Курьер доставил „3.“ 415 000 рублей, кварцы для радиопередатчика, погоны старшего лейтенанта Красной Армии и письмо руководителя Катыньской разведшколы с предложением немедленно вернуть обратно прибывшего курьера и подготовиться к приё-

му радиста, который должен быть переброшен немцами. Курьер назвал себя Рыбин (бывший милиционер из Москвы, перебежал к немцам в 1942 г., состоял на службе германской разведки под кличкой „Шурин“, сброшен на парашюте с самолёта 26 апреля в районе ст. Лаптево Рязанской области). Проверкой по имеющимся в НКГБ СССР материалам и допросам арестованного по настоящему делу немецкого разведчика Сорокина установлено, что действительная фамилия прибывшего курьера Быбченко, числится дезертиром с сентября 1942 г. Рыбин-Быбченко нами не арестован, устроен на нашу квартиру и взят под специальное наблюдение.

В результате настоящей агентурной работы нам удалось: заполучить от немцев 8 агентов германской разведки, 4 радиостанции, 1 227 000 рублей и арестовать 7 пособников изъятых нами шпионов. Однако основная цель разработки — создать возможности для проникновения нашей агентуры в Берлин — пока не достигнута. НКГБ СССР считает целесообразным:

1. Продолжить использовать существующую легенду вокруг монархической организации „С.“ и радиоигру с немцами через „Гейне“ и „3.“ для осуществления основной задачи разработки — проникновения нашей агентуры в Берлин.
 2. Для закрепления перед немцами положения „Гейне“, „3.“ и легенды в целом курьера германской разведки Рыбина-Быбченко аресту не подвергать и дать ему возможность вернуться к немцам.
 3. Использовать благополучное возвращение Рыбина-Быбченко для постановки в ближайшем будущем от имени организации „С.“ перед немцами вопроса о направлении в Москву видного представителя германских разведывательных органов.
 4. Одновременно с этим поставить перед немцами вопрос о посылке в Берлин „для переговоров“ „видного“ представителя организации „С.“, на роль которого подготовить проверенного агента НКГБ СССР с задачей внедрения его в центральные разведывательные органы противника.
- Народный комиссар
государственной безопасности СССР
Меркулов»¹⁴¹.

А вот фрагмент докладной записки НКГБ СССР № 1473/М в ГКО о ходе радиоигры «Монастырь—Курьеры» от 6 августа 1943 года:

«В дополнение к № 156/М от 10 мая и № 301/М от 23 мая текущего года НКГБ СССР докладывает.

В результате дальнейшего легендирования германских разведывательных органов от имени якобы существующей в Москве контрреволюционной монархической организации нам удалось в июле текущего года заполучить ещё трёх агентов немецкой разведки при следующих обстоятельствах.

6 июля мы сообщили немцам, что заброшенная ими ранее агентура якобы нуждается в документах и в случае задержки в их получении агенты вынуждены будут выехать из Москвы и прекратить связь с немцами.

8 и 18 июля немцы ответили, что документы готовы и „при первой возможности будут доставлены“ по адресу подставленной нами квартиры.

21 июля в Талдомское РО НКВД Московской области добровольно явился сброшенный на парашюте с германского самолёта агент немецкой разведки с документами на имя Филимонова А. Ф., младшего сержанта Красной Армии.

В действительности же агент оказался Воробьевым Алексеем Федоровичем...

Воробьев показал, что по заданию германской разведки он должен был пробраться в Москву, явиться по адресу: ул. Большая Коммунистическая, д. 20, кв. 12 и передать привезенную им посылку „Владимиру Михайловичу“ (подставленное нами лицо).

В посылке, привезенной Воробьевым, оказалось: 98 390 рублей; 40 незаполненных фиктивных бланков командировочных предписаний Особого отдела 34-й Ударной армии; 3 экземпляра командировочных удостоверений на имя сержанта государственной безопасности Чуба Григория Григорьевича и 3 комплекта батарей для радиопередатчика.

Для беспрепятственного проезда в Москву Воробьев был снабжен немцами необходимыми фиктивными документами, фотокопии которых прилагаются.

Воробьев нами арестован. Ведется следствие.

27 июля к председателю колхоза д. Таксино Высоковского района Московской области явились двое неизвестных в форме младших командиров Красной Армии, вооруженные винтовками. Неизвестные заявили, что они являются германскими разведчиками и в ночь на 27 июля сброшены на парашютах с немецкого самолёта...

Кончиц и Чернышов (это фамилии немец-

ких агентов. — *Авт.*) показали, что они получили от германской разведки задание пробраться в Москву, явиться по адресу: ул. Климентьевская, д. 8, кв. 9, спросить „Валентину Владимировну“ и передать посылку „для Татьяны из Алма-Аты“.

Адрес, названный прибывшими курьерами, является конспиративной квартирой НКГБ СССР, подставленной нами германской разведке.

В посылке, предназначенной для легендируемой НКГБ СССР контрреволюционной монархической организации, оказались: **зашифрованная инструкция об изменении шифров, которыми „организация“ пользовалась для связи с немцами по радио** (выделено авт.); 151 000 рублей; 20 незаполненных фиктивных бланков командировочных предписаний штаба 247-й сд; пропуск для передвижения по Москве в ночное время и несколько сот экземпляров различных антисоветских листовок.

Для проникновения в Москву и последующего возвращения к немцам через линию фронта Кончиц и Чернышов были снабжены необходимыми фиктивными документами на имя военнослужащих Красной Армии (фотокопии документов прилагаются).

Кончиц и Чернышов нами арестованы. Ведется следствие.

В результате настоящей агентурной разработки нам удалось заполучить от немцев 11 агентов германской разведки, включая ранее задержанных 8 агентов.

Легендирование и радиоигра с германскими разведывательными органами продолжаются.

Народный комиссар государственной безопасности СССР В. Меркулов
ЦА ФСБ России»¹⁴².

Радиоигры продолжались, через линию фронта прибывали всё новые посланцы от немецкой разведки.

«ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА НКГБ СССР № 2939/М В ГКО О ЗАДЕРЖАНИИ В Г. ОСТАШКОВЕ АГЕНТОВ-ПАРАШЮТИСТОВ ГЕРМАНСКОЙ РАЗВЕДКИ, ВЫБРОШЕННЫХ ПРОТИВНИКОМ ПО ЛЕГЕНДИРОВАННОЙ РАДИОИГРЕ „МОНАСТЫРЬ—КУРЬЕРЫ“

18 ноября 1943 г.

В дополнение к нашему № 1473/М от 6 августа текущего года НКГБ СССР докладывает следующее.

В результате дальнейшего легендирования германских разведывательных органов от имени якобы существующей в г. Москве антисоветской

монархической организации нам удалось в октябре текущего года заполучить ещё двух агентов немецкой разведки...

Анипко и Карпов (так именовались очередные пришельцы из-за линии фронта. — *Авт.*) были задержаны комендантским патрулем на вокзале ст. Осташков Калининской железной дороги в форме военнослужащих Красной Армии: первый — лейтенанта, а второй — старшины.

Анипко и Карпов показали, что в ночь на 14 октября были сброшены на парашютах с немецкого самолёта в районе г. Осташков. Перед вылетом они получили от германской разведки задание: пробраться по железной дороге в г. Кострому и явиться по адресу ул. Свердлова, д. 43, кв. 4, спросить хозяйку квартиры „Александрю Павловну“ и передать ей посылку.

По названному адресу находится подставленная нами немцам конспиративная квартира.

В доставленной посылке оказалось 156 000 рублей, 77 чистых бланков командировочных удостоверений штабов различных частей и соединений 34-й армии и артиллерийского управления военно-полевого строительства, 13 чистых бланков Особого отдела НКВД 34-й армии, 2 комплекта штатской одежды и зимнего военного обмундирования, батарее для радиопередатчика.

После вручения посылки Анипко и Карпов должны были немедленно возвратиться к немцам, перейдя линию фронта на участке 129-го отдельного инженерного батальона, дислоцированного в районе г. Великие Луки, для чего они были снабжены необходимыми фиктивными документами.

Анипко и Карпов нами арестованы. Ведется следствие.

Имея в виду продолжение игры с немцами, мы подтвердили получение посылки и сообщили о „выезде“ курьеров в районы Московской области.

27 октября немцы по радио дали следующую директиву:

„Очень довольны, что пакет получили... На восток не уходите, а постарайтесь краткосрочно работать в районах Смоленск — Рославль — Брянск — Сухиничи — Вязьма. Событиями на фронте не тревожьтесь, мы их предвидели. Желаем успеха. Привет“.

Таким образом, в результате настоящей агентурной разработки НКГБ СССР удалось заполучить от немцев 14 агентов германской разведки, включая ранее задержанных по этому делу 12 человек.

Легендирование германских разведывательных органов продолжается.

Народный комиссар государственной безопасности СССР комиссар госбезопасности I ранга Меркулов. ЦА ФСБ России»¹⁴³.

География операции расширилась и шифротелеграммы летели в разные концы страны. Вот пример.

«УКАЗАНИЕ НКГБ СССР № 508 НКГБ ЛИТОВСКОЙ ССР И НКГБ БЕЛОРУССКОЙ ССР ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЛИТВЫ И БЕЛОРУССИИ ПОИСКОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В СВЯЗИ С ПРОВЕДЕНИЕМ РАДИОИГРЫ „КУРЬЕРЫ“

22 сентября 1944 г.

По вводимому НКГБ СССР делу „Курьеры“ в 90 километрах на восток от Вильнюса в районе озера Нарочь организована специальная площадка, на которую ожидается сброска груза и, возможно, людей для легендируемой нами дезертирской группы. Для обеспечения приёма груза и людей в районе площадки находится опергруппа НКГБ СССР, возглавляемая капитаном госбезопасности Леоновым и сто бойцов во главе с зам. наркома госбезопасности Литвы Рудаковым. Для развития игры 22 сентября мы передаём противнику очередное сообщение, что в Нарочинских лесах оперируют бандитские группы из литовцев, власовцев и немцев, с которыми легендируемый отряд дезертиров пытается установить контакт. В связи с этим сообщением возможно, что противник будет пытаться помимо нас установить контакт с „действующими“ бандгруппами, для чего выбросит, как это уже имело место в другом случае, своих людей с рациями.

Предлагаю:

1. Усилить агентурную работу в сёлах и деревнях, прилегающих к Нарочинским лесам на предмет выявления появления посторонних людей в сёлах и лесах.
2. Систематически практиковать прочесывание Нарочинских лесов в контакте с органами НКВД и „Смерш“.
3. О каждой выброске парашютистов или груза в этом районе телеграфно сообщать в НКГБ СССР.

Эту телеграмму в аппарат не спускать.

Народный комиссар госбезопасности СССР комиссар госбезопасности I ранга Меркулов ЦА ФСБ России»¹⁴⁴.